

10 КРУЗОЗОР 75

★ ЮНОШЕ, ★ ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ★ ЖИТЬЕ

Недавно посмотрел телевизионный фильм «Сержант милиции». Фильм замечательный, слов нет, но это художественное произведение. А в жизни какими качествами должен обладать работник милиции?

Л. М. г. Азов.

Расскажите, пожалуйста, о трудной и опасной службе работников органов милиции. Принимают ли туда девушек после восьми классов?

Г. Папрацкая, Брестская обл.

Министр внутренних дел СССР Н. А. Щелочков вручает лейтенанту А. И. Игнатьеву орден Красного Знамени, которым молодой следователь был награжден за мужество и отвагу, проявленные при задержании опасных преступников. Москва, 1975 год.

На вопросы читателей отвечает генерал-майор милиции С. Л. ШЕВЧЕНКО.

— В наше министерство часто приходят сообщения о смелых, героических поступках работников милиции. Они касаются не только охраны порядка. Милиционер спасает тонущего ребенка, первым вбегает в горящий дом, умело предотвращает аварию на транспорте... Отличаются и опытные работники и те, кто совсем недавно пришел к нам служить. С двумя из них — лейтенантом А. Игнатьевым и младшим лейтенантом В. Ефимовым — вы познакомитесь на звуковой странице «Кругозора». Своими самостоятельными действиями они показали героический пример служения народу, верности своему долгу.

Продолжение на 2-й стр. ▼

Ни в Бугунже, хуторке, затерянном в отрогах Кавказских гор, где живет Яков Васильевич Скляр, ни в зеленом городке Хмельницком, куда приехал я на встречу с Илларионом Павловичем Шестидесятым, нет моря. Но в судьбах новых моих знакомых, повидавших на своем веку немало, море было главным.

Почти всю свою долгую жизнь Яков Васильевич прожил в родном хуторе. В гражданскую войну устанавливал Советскую власть, в Великую Отечественную выводил из окружения горнострелковую бригаду, освобождал от фашистов Краснодар. Был лесником, проводником в горах, егерем, незадолго до выхода на пенсию работал в колхозе.

Илларион Павлович, напротив, поколесил по свету. Сначала Румыния, затем Швейцария, Франция, Германия, Бельгия, Аргентина... Чем только не приходилось заниматься! Вернулся домой уже из Канады. Работал слеса-

кинскую. Но мог ли подумать князь-крепостник, что 130 лет спустя, как только весть о взбунтовавшемся корабле телеграф донесет до Петербурга, его фамилия обретет пугающий царей смысл? Когда из румынского порта Констанца целая эскадра — четыре миноносца и три броненосца — привела опустевший «Потемкин» на буксире в Севастополь, с его борта старательно сбили бронзовые буквы. И привинтили новые: «Святой Пантелеймон».

Но спустя четыре месяца и над «Пантелеймоном» затрепетал красный революционный флаг. В ноябре 1905 года уже пятнадцать кораблей, стоявших на севастопольском рейде, и в их строю бывший «Потемкин», откликнулись на призыв лейтенанта Шмидта: «Командую флотом!»

В 1917 году судно получило новое название — «Борец за свободу», и его матросы, перекрестив себя пулеметными лентами, дрались на фронтах гражданской войны. Немногие из них,

ПОД ФЛАГОМ СВОБОДЫ

рем сахарного завода, затем в Киеве в трамвайных мастерских. После войны жил в селе Антонины на Подоле.

Все это было потом. А главным в своей жизни оба считают одиннадцать июньских дней на броненосце «Потемкин». И каждая новая деталь их обстоятельных рассказов, их живой голос приобретают теперь особый смысл: до наших дней дожило немного участников тех событий, единицы...

Слова, становясь понятиями, обретают взрывной смысл. Крейсер «Аврора», «Варяг»... Десять матросов с расстрелянного, но непокорившегося «Варяга» (помните: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...) были зачислены на «Потемкин». И не с высоты времени, а тогда же написал Ленин о «Потемкине» слова, вынесенные в эпиграф.

...После разгрома крестьянского восстания Емельяна Пугачева донская станица, в которой он родился, повелением императрицы была тут же переименована из Зимовейской в Потем-

вернувшиеся в родной Севастополь, увидели некогда боевой корабль беспомощным, полузатопленным. Интервенты и белогвардейцы, отступая из города, не смогли увести броненосец, подорвали его машины и орудия.

Восстановить корабль было невозможно. В двадцатых годах с него сняли броню, а корпус отправили в переплавку. Мачты же установили у входа в Днепровско-Бугский лиман, близ Очакова, и огни «Потемкина» еще долго светили судам.

...Только 38 человек из всего мятежного экипажа, насчитывавшего 760 матросов, сдались тогда в Констанце царским властям. Остальные не покорились. Они трудно жили на чужбине, но никто из них никогда не пожалел об июньских днях на «Потемкине». И почти все, кто дожил до 1917 года, вернулись в Родину, участвовали в Октябрьской революции, потом строили новую жизнь.

Многое рассказали мне о себе и боевых своих товарищах Илларион Пав-

лович Шестидесятый и Яков Васильевич Скляр. Не так давно оба — один в Одессе, другой в Новороссийске, — словно со своей юностью, встретились с Черным морем. Всмотривались в синеватые дали, угадывая среди серебристого простора, среди белых теплоходов и парусов очертания своего корабля. Память разбудили и без усталости набегавшие на берег волны и знакомый крик чаек, такой же, как в пору их удивительной молодости...

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»
г. Хмельницкий — хутор Бугунжа

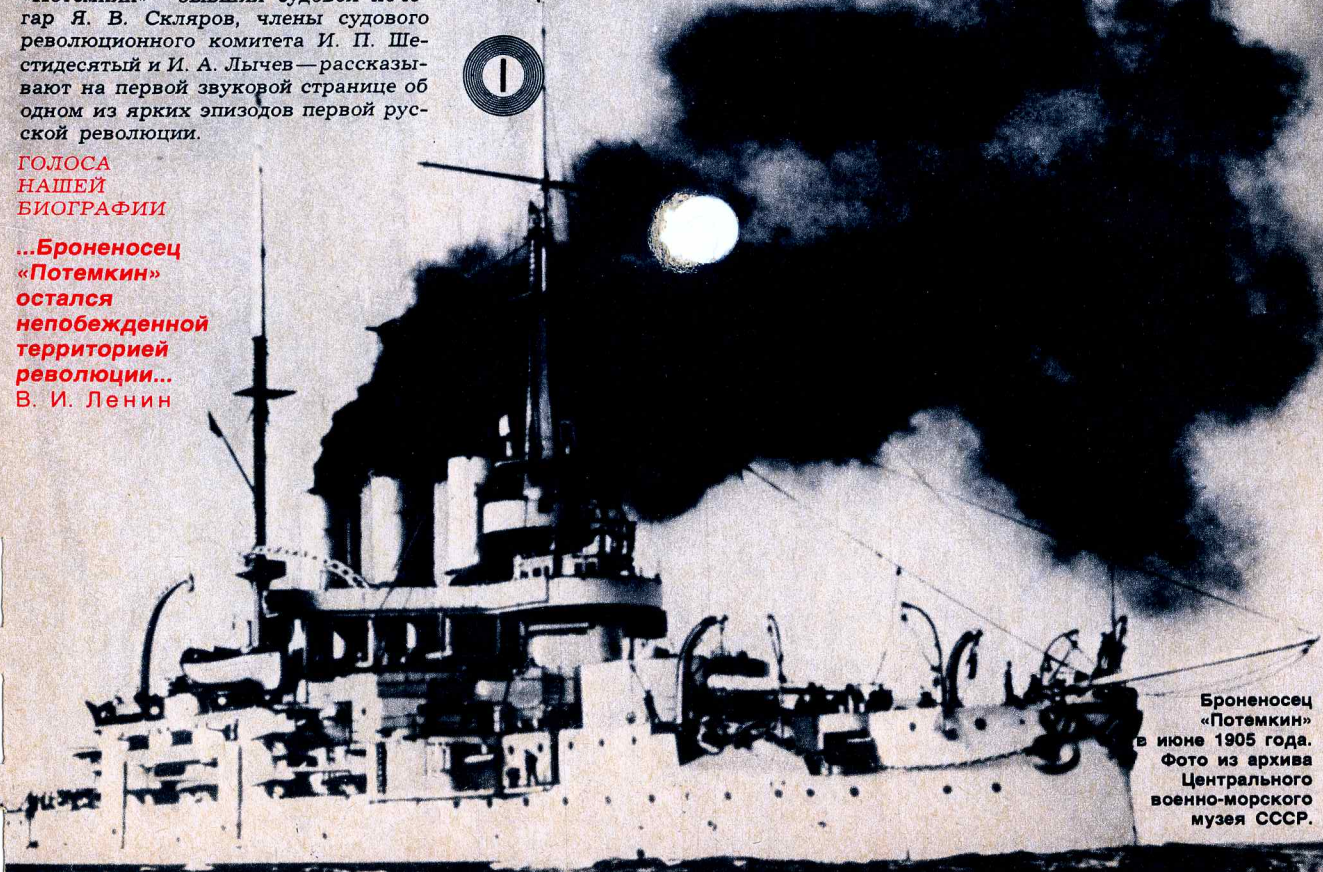
Участники восстания на броненосце «Потемкин» — бывший судовой кочегар Я. В. Скляр, члены судового революционного комитета И. П. Шестидесятый и И. А. Лычев — рассказывают на первой звуковой странице об одном из ярких эпизодов первой русской революции.

**ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ**

**...Броненосец
«Потемкин»
остался
непобежденной
территорией
революции...
В. И. Ленин**

Снимки, на которых вы видите Я. В. Склярова и И. П. Шестидесятого, сделаны спустя 70 лет после восстания на «Потемкине». Фото А. Канашевича и автора.

Броненосец
«Потемкин»
в июне 1905 года.
Фото из архива
Центрального
военно-морского
музея СССР.

Но не только эти качества определяют характер сотрудника советской милиции. Ведь в нем видят представителя Советской власти. Вот почему служба в милиции требует высоких моральных качеств. Готовности в любую минуту прийти на помощь человеку, попавшему в беду, самоотверженно встать на защиту интересов государства. От каждого работника милиции, какой бы он пост ни занимал, требуются большая чуткость и такт в сочетании с глубочайшей принципиальностью, сознание высокой ответственности за принятое решение. Поэтому на службу в милицию принимаются преданные Родине и коммунистическим идеалам люди, способные по своим политическим и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья обеспечить охрану общественного порядка.

Комплектование кадров милиции осуществляется, как правило, посланцами коллективов трудящихся. Вот уже несколько лет на работу в органы внутренних дел не принимаются люди без среднего образования. В широком перечне специальностей современной милиции, конечно, есть место и девушкам. Они у нас успешно работают и в детских комнатах, и в госавтоинспекции, и в паспортной службе...

С развитием нашего общества растут и требования к милиции. Она должна, как никогда в прошлом, и профессионально и нравственно бороться за правопорядок, своевременно учитывать происходящие в жизни изменения, уметь использовать достижения научно-технического прогресса. Значит, неперемнное качество милицейского работника — постоянное совершенствование знаний. Это относится к важнейшей стороне нашей работы — профилактике правонарушений и преступлений. Здесь требуется, можно сказать, высочайшее мастерство. Мало одного стремления делать добро. Надо уметь это делать хорошо и вовремя. Следовательно, милицейских работников нужно вооружать еще и знаниями педагогики, психологии.

Вот коротко о требованиях, предъявляемых к работнику советской милиции.

ЧАСОВЫЕ

Оперативные группы ленинградской милиции работали без выходных: с перерывом в несколько месяцев было зарегистрировано два убийства шоферов такси. До этого был похищен автомат, которым преступники и пользовались. Такого не было давно.

Были опрошены десятки тысяч человек. По телевидению прозвучало обращение с просьбой помочь в розыске. Письма, звонки... В результате был накоплен огромный материал, который дал возможность предположить, что преступление совершено работником крематория Балановским и его приятелем Зеленковым. Задержать их? Наверняка автомат спрятан, а прямых свидетелей нет. А если Балановский готовится к новому нападению?

Эту версию подтвердил рассказ Андрея — знакомого Балановского — о том, что тот ищет сообщника «с авто». Родилась мысль: пусть Андрей намекнет, что есть, мол, такой фарцовщик с машиной, скупает тряпки, ради денег готов на

все. Балановский заинтересовался. Кто же станет этим парнем? Желание высказали многие. Выбор пал на Николая Чванова. Смел, ловок. Водит машину.

Чванову подобрали шикарный костюм, японские часы. Он отшлифовал жаргон фарцовщика. Что касается нравов преступного мира, он уже кое-что знал о них. Помогли и занятия на заочном отделении юридического факультета университета.

В милицию Николай пришел два года назад по комсомольской путевке. Ему было пятнадцать, когда умерла мать, и он пошел работать слесарем. Доучивался в вечерней школе, позднее окончил техникум. С малых лет увлекался спортом, стал кандидатом в мастера по вольной борьбе.

Кто же предполагаемый преступник? Двадцать пять лет. Почти его ровесник. Честолюбив. Жесток. Сам себя называет «взрывным человеком»...

На встречу с Балановским Чванов при-

ехал на стареньком «Москвиче». Балановский оказался невидным, щуплым. «Придавил бы сразу, а придется обниматься»,—подумал Николай. Познакомились. Чванов назвался Гошей. Балановский попытался выяснить, откуда он и кто. Николай отрезал: «Зачем? Если попадемся, ты меня не знаешь, я—тебя».

Встреч было несколько. Наконец Балановский заговорил о вооруженном нападении. Как? «Все будет о'кей!» Николай не расспрашивал. Только когда стали уточнять детали, решительно произнес: «Мы же договорились—во всем на равных. А получается? Ты будешь стрелять, я—вокруг бегать?» Балановский бросил настороженный взгляд: «Что предлагаешь?» Все же решено было «Гошу» вооружить. Балановский поучал: «Хочешь удачи—будь беспощадным. Всех уничтожить—и дело с концом: нельзя оставлять свидетелей».

...День выпал снежный. Поехали к по-

селку, где, как сказал Балановский, в лесу был спрятан автомат. Чванов остался в машине. Десять, двадцать томительных минут... Может, сейчас раздастся автоматная очередь? Ведь преступнику нужна только машина. Чванов знал, что Балановский уже предложил Андрею «убрать Гошу после дела»... Наконец показалась заснеженная фигура со свертком. Николай в машине оглядел автомат: «Исправен?»—замечил номер. Сомнений не оставалось—тот самый.

На условленном перекрестке, откуда рация уже сообщала в оперативную группу, где и куда прошла машина, Чванов выбросил из окна окурков. В управлении теперь точно знали, что за автомат в машине. Значит, надо брать. Одна группа выехала на квартиру Зеленкова, другие не спускали глаз с «Москвича». Впереди него выстроилась вереница машин—закрывает шлагбаум. Так было предусмотрено.

«Надо бы протереть стекла»,—сказал Чванов, сунул тряпку Балановскому, а сам вышел первым и направился к заднему стеклу: расчет был на то, чтобы Балановский подошел к переднему.

Щелкнули наручники...

Когда приехали в управление, Николай устало опустился в кресло. Сколько он проспал—не помнит...

Суд приговорил Балановского и Зеленкова к высшей мере наказания.

Ныне лейтенант милиции Николай Чванов—кавалер ордена Красной Звезды. Спрашиваю: «Трудно было играть роль?» «Служба»,—улыбнулся он. «А с чего, на ваш взгляд, начинается милицмейская служба?» Николай немного подумал. «С чувства соперничества. Я в детстве не мог пройти мимо, когда видел, что кого-то обижают».

В. МИХАЙЛОВ

г. Ленинград

Фото С. Полуэктова, А. Лидова

ПОРЯДКА

Лейтенанту из Якутии Ариану Игнатьеву и младшему лейтенанту столичной госавтоинспекции Виктору Ефимову вручены боевые награды в мирные дни. О минутах их подвига рассказывает звуковая страница.

Ирина СНЕГОВА

Тот же снег: скрипит и светится,
Та же бездна, тьму клоня,
Из ковша Большой Медведицы
Небо сыплет на меня.
Зачерпнет в глуби роящейся,
Опрокинет и косит:
Как ты там, живьем родящийся,
Сыт вселенским иль не сыт?
Та же стужа, то же празднество —
Снизу свет и сверху свет...
В сущности, какая разница,
Сколько зим и сколько лет.
Так же всхлипывают валенки,
Тянет холодом в рукав,
И в тебе все тот же, маленький,
Смотрит, голову задрав,
Кто вверху дрожит и зыблется,
Жжет, безмерностью кружа,
Как все сыплется и сыплется —
Не погасло? — из ковша.

Ах, какие птицы, птицы, птицы!
Свист, и стон, и стук.
Все стремится взвиться,
воплотиться
В самый полный звук.

Ах, какие птицы, что за птицы! —
Атмосфера и впрямь
Аллилуйя!
Славься, благодать родиться
Чтобы петь!

Этот май,
где птицы, птицы, птицы —
В звонах лог и луг,
Где судьба, как нота,
бьется, длится,
Чтобы сгинуть вдруг...
А во тьме беззвучья
вновь приснится

Солнце сквозь ольху,
И какие птицы, птицы, птицы
Там, вверху!

Игластая ветка,
Сорочье крыло —
Как мимо, как редко,
Как быстро прошло!
Дремучая одурь,
Глубинная тишь...

Молчанье природы,
О чем ты молчишь?
Зачем совершенством
Гнетешь и красой
И мучишь блаженством
Дороги босой...
Чтоб каждой строкою,
Твой смысл возлюбя,
Минуя людское,
Мне славить тебя?

Все давно-предавно отцвело,
И ничто потому не томит,
Не щемит,
Никакие жасмины, ни зори.
Август ценит покой — срок такой.
Зреют яблоки.
Падают — стук!
Сад роняет из рук...
Вечера появились. И кузнечики
Долго поют, создавая уют.
И во тьме наливаются звезды.
Все крупней. И, как яблоки,
Дрогнув, летят.

Цья — когда...
Не беда!
Ах, как небо черно! Все оно —
Утверждают ученые люди —
Там, вверху, не пространство,
А время...
Категория времен. Лет
Миллиарды... И! Кто их сочтет.
Человеку простому ни зги
В этом времени черном
Не видно.
Только звезды,
Как яблоки, звезды
Обрываются. Вдруг,
Может, где-то
И слышны эти шорохи света —
В прорве времени
Краткости звук:
Стук... тук-тук...

Руки в горести распростер:
— За тебя на любой костер!
Упаси тебя от огня...
А костер мой — внутри меня.

След самолетный в вышине
Канатом лег от тучи к туче.
Белеет: на! ступай по мне!
Твой случай ведь канатный случай.
Идешь? Смелей!.. Дымком объят,
Пружинит самолетный прочерк.
Шагай и верь, что есть канат!
С канатом было б много проще.

Разомкнулось удушье асфальта,
И дохнула в нас на верхотуре
Мастерская художника Фалька
В подчерданной прохладе и хмури,
Где ребрятся, век полкам доверя,
В хвост полотна. И лица и травы,
Как тома, или тени в Преддверье,
Или очередь у переправы.
Но когда обращают их к свету,
К вам — смотрите —
как с окон короста!
Мастерская... А мастера нету.
Мастерство да не знает сиротства.
Сквозь коричневость с серым —
оттенки

Розов, желт.
И серебрян и скрытен.
Не дает и не ищет оценок,
Только просит:
смотрите, смотрите!
Гость отметил:

«Да, пластика с темой
Не в конфликте...
Локальность сюжета...»
Вы смотрите! — содвинула стены
Многоугольная комната эта.
Где нелепость —
рассеяться, судача,
Перед тишью холстов этих тусклых,
Где так славно жила неудача,
Покровительница искусства...
Над Москвой-рекой, на голубятне,
Где не знали морей по колено,
Где, сочувствием кисти объята,
Вздых и стебель уходят от тлена.
Где сам Фальк,

как Ламанчский идалго,
На стене, близ Некрасовой Ксюши...
В мастерской у художника Фалька
Тишина.
Я ее не нарушу.

Мало кто знает о том, что известности Александра Блока как поэта предшествовала его известность как декламатора. Он охотно выступал на литературных вечерах, читая, как правило, «Сумасшедшего» Апухтина и менее популярное одноименное стихотворение Полонского.

Кузен поэта Г. Блок вспоминает, как слышал в его исполнении Апухтина и гамлетовский монолог «Быть или не быть»: «Это было не чтение, а именно декламация — традиционно актерская, с жестами и взрывами голоса. «Сумасшедшего» он произносил сидя, Гамлета — стоя, непременно в дверях. Слова «Офелия, о нимфа...» говорил, поднося руку к полускрытым глазам».

Но вскоре Блок отказался от всяких внешних эффектов и свои стихи, по свидетельству современников, читал уже сдержанно, «торжественно и важно». «Важность была вообще свойственна ему при чтении своих стихов. Именно важность, а не напыщенность: как бы уважение к тому, что он несет в себе». Это свидетельство относится к 1907 году.

Другой мемуарист, описывая выступления Блока в 1920 году, употребляет почти те же слова: «Читая стихи, он нес людям самое важное для себя, настоящее и заветное».

Чтобы передать это «важное и заветное» слушателю, надо было виртуозно, ювелирно владеть формой произнесения стиха. Наиболее чуткие слушатели — профессиональные поэты — отмечали и это качество декламации Блока.

Сергей Городецкий пишет, что Блок читал, «мучительно-хорошо держа строфу и чуть замедляя темп на рифмах». Владимир Пяст утверждает, что в «тесных пределах звуковой формы Блок давал полную амплитуду душевного движения стихотворения».

Относясь к выступлениям с большой ответственностью, Блок каждый раз долго внутренне готовился к ним и, читая иногда старые стихи, стремился воспроизвести в своей эмоциональной памяти прежние переживания, их вызвавшие. В этой связи интересно еще

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ГОЛОС БЛОКА

одно свидетельство, относящееся к 1915 году. Блок выступал в зале Петроградской городской думы. Он прочитал несколько стихотворений, «не изменяя своей антидекламаторской, антиактерской, своей священнодейственной манере, и начал читать «На железной дороге». Он дочитывал уже последние слова: «Любовью, грязью иль колесами она раздавлена...»

И вдруг что-то случилось: губы дрогнули, голос жалобно зазвенел. «Все больно...» — прошептал он потерянно и, не поклонившись, быстро ушел с эстрады.

В последние годы публичные выступления давались ему особенно трудно. Когда научный сотрудник Института живого слова С. И. Бернштейн предложил ему записать свое чтение на фонограф, Блок сначала отказался, сославшись на то, что к такому ответственному выступлению надо подготовиться. Но потом предложил произвести запись после своего вечера в Доме

искусств. «Тогда мне все равно, — сказал он, — придется привести себя в соответствующее настроение».

На запись Блок пришел с женой Любовью Дмитриевной и Корнеем Ивановичем Чуковским. Первыми были записаны стихи «Все, что память сбереж мне старается», «Девушка пела в церковном хоре», «Поздней осенью из гавани...».

На просьбы прочитать то или иное стихотворение Блок несколько раз отвечал: «Лучше я прочту вот это» — и выбирал другое стихотворение из того же цикла. Он отказался читать «Вольные мысли», «Она пришла с мороза», «Двенадцать», объясняя: «Я не знаю, как это надо читать».

Из шести блоковских валиков лишь три дожили до наших дней. В середине 60-х годов начался долгий этап «возвращения» голоса Блока. Первым зазвучало стихотворение «В ресторане». Через год работы стали различимы отдельные слова и строфы в стихах «О доблестях, о подвигах, о славе» и «На поле Куликовом».

Есть надежда, что достаточно хорошо будут звучать записи стихотворений «Голос из хора», «Осенний день», «Русь моя...». Но, вероятно, мы уже никогда не услышим, как читал Блок «Все, что память сбереж мне старается», «Девушка пела в церковном хоре». Эти фонограммы воспроизведению не поддаются.

После того как запись переведена на магнитную ленту, ее можно подвергать дальнейшим операциям: «добавить воздуха», сделать голос более «красивым», — но при этом можно исказить истинный тембр его звучания. Поэтому все варианты перепиши предпочтительно давать слушать большому количеству лиц, знавших голос поэта.

Первые варианты я повез в Переделкино Корнею Ивановичу Чуковскому. Через 47 лет он снова слушал стихи, которые записывались в его присутствии в гостининой петроградского Дома искусств. Вы услышите их на четвертой звуковой стороне. Там же зафиксированное в свое время на пленку свидетельство Чуковского.

”...МОЙ ГОРОД, ДОРОГА МОЯ“

2

Фото Л. Лазарева

В шестнадцать лет гражданину нашей страны вручают паспорт. Студенческие строительные отряды уже достигли этого возраста, и если бы пришлось заполнять графы их символического паспорта, то они выглядели бы так.

Фамилия, имя, отчество: Всесоюзный студенческий строительный отряд имени 30-летия Победы.

Время и место рождения: лето 1959 года; когда 339 физиков МГУ выехали в совхозы Казахстана.

Национальность: интернациональный, в его рядах молодежь из всех республик нашей Родины, посланцы многих зарубежных стран.

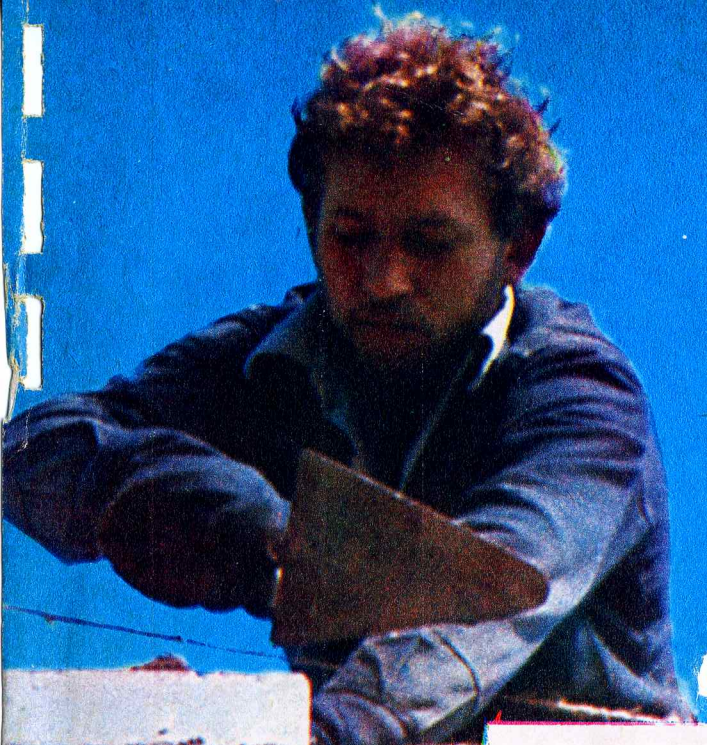
Социальное положение: студент-рабочий, студент-

«Стройотряд?»

Здесь прежде всего понимаешь вкус работы, работы настоящей. И видишь, на что способен каждый», — говорят бойцы студенческих строительных отрядных (вторая звуковая страница).

строитель, кровный сын трудового народа.

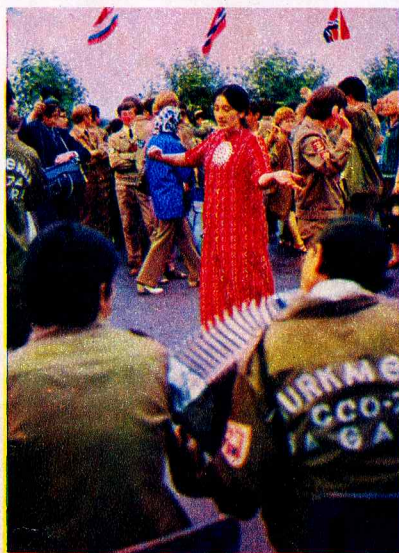
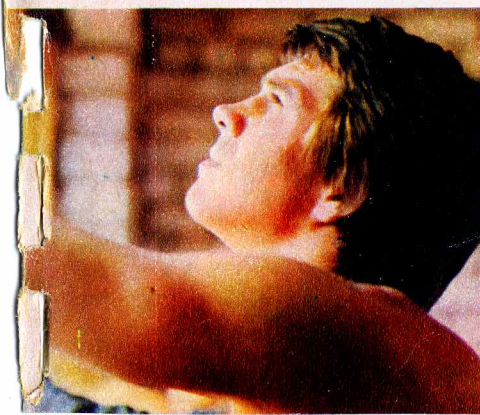
И еще: на паспорте должна быть фотография, но портрет Всесоюзного студенческого стройотряда многолик, он состоит из 610 тысяч лиц. Это уже целая фотолетопись, частицу которой вы увидите на страницах «Кругозора».

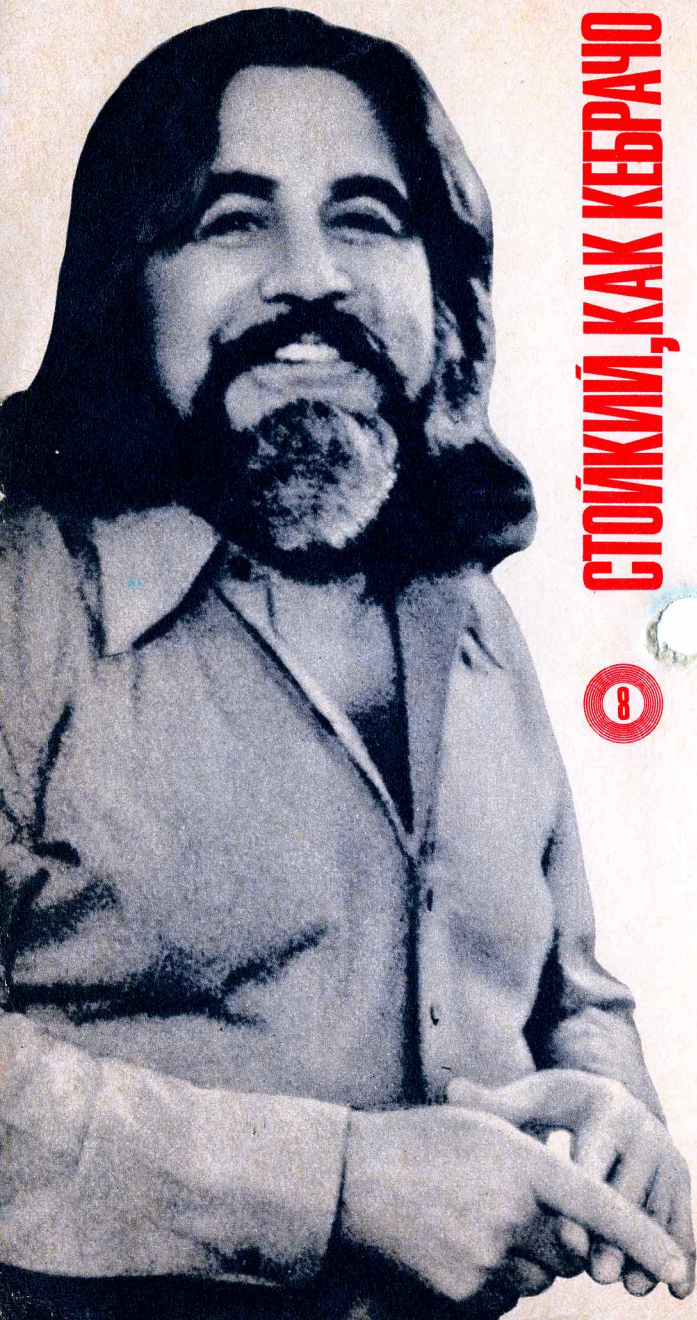
Нынешнее стройотрядовское лето—это более ста Всесоюзных ударных строек: БАМ, который сами студенты называют своей дорогой в будущее, Нечерноземье, мелиоративные системы Приморья, КАМАЗ, нефтяные богатства Тюмени... Пять миллиардов рублей—таков итог работы, выполненной стройотрядовцами за пятилетку.

Главная ценность трудового семестра — созидательный труд, школа гражданственности. И познание страны, память о новых краях, о товарищах, которых вдруг увидел в ином свете, о коллективе, в котором работал и жил.

С чем ты уехал из отряда? Что принесло трудовое лето лично тебе? Если, размышляя об этом, молодой человек скажет об окрепшем чувстве долга, коллективизма, взаимовыручки,—значит, его трудовой семестр выполнил свою задачу, как и этот студент—свою.

Анатолий СЕМЕНЧЕНКО,
командир Всесоюзного
студенческого
строительного отряда

СТОЙКИЙ, КАК КЕБРАЧО

8

ПЕСНИ-БОРЦЫ

«Кебрачо» в переводе с испанского означает дерево, которое разбивается топор. Оно действительно твердое, как камень. Не один пот сойдет с лесоруба, прежде чем ружнет на землю тяжелый ствол. Растет это дерево на аргентинской земле.

Орасио Гуарани, сын лесоруба, человек, известный сегодня всей Аргентине, рассказывал мне о своей судьбе, а я думал, что, наверное, о таких людях, как он, говорят: «Стойкий, как кебрачо».

— С тех пор как я взял в руки гитару, призывая к борьбе, песни мои много раз запрещали, порой даже мое имя не разрешалось упоминать. Было столько всего, что оскорбляло, заставляло страдать, скрываться... Я люблю людей и поэтому всегда был среди тех, кто борется за мир. Но были времена, когда и это кому-то казалось преступлением.

Певцу-коммунисту без конца угрожают его давние недруги. Сейчас они вынуждены действовать тайком. Но еще недавно — до падения реакционного режима военной диктатуры — они открыто преследовали Гуарани за его боевые песни. А поет Гуарани о ветре над раздольной пампой и пастухах, о зеленом море сахарного тростника в Тукумане и доле мацетеро, о бурных водопадах реки Параны и о бурлящем народными манифестациями Буэнос-Айресе, о красоте девушки-работницы и упорстве забастовщика...

Иногда он переходит с пения на декламацию под аккомпанемент гитары или же в наступившей вдруг тишине обращается к людям в зале, как к своим давним и добрым друзьям. А они видят в нем человека, который сменил топор на гитару, потому что «певец не может молчать перед несправедливостью». Слова этой сочиненной Орасио Гуарани песни, в которой звучит слово аргентинских коммунистов, я слышал в разных местах Аргентины:

Если смолкает певец, угасает жизнь.

Если смолкает певец, погибает надежда.

Если смолкает певец, рабочие остаются покинутыми,

Когда они бастуют, когда они борются.

Нет, певец не может молчать

Перед несправедливостью, перед преступлением...

— Мой отец был индейцем. Он не имел ничего, даже собственной фамилии. Еще мальчишкой он начал батрачить. Тогда ему дали чужую фамилию — Родригес. Узнав, почему так зовется наша семья, я решил: мне не нужно одолженного кем-то имени. Я, как и мой отец, индеец из народности гуарани. Так пусть меня зовут просто Гуарани. Талантливый самородок из народа, Орасио Гуарани наделен даром композитора и певца одновременно. Он часто выступает с концертами в столицах Латинской Америки.

Л. КОСИЧЕВ

Продолжение рассказа о композиторе-коммунисте
Орасио Гуарани — на восьмой звуковой странице.
Вы услышите голос певца и его песни.

МУЗЫКА ЭКРАНА

Мне посчастливилось работать с Эдуардом Колмановским. Музыка первой моей запевшейся песни «Бежит река...» написал именно он, дав мне возможность ощутить великую радость, когда я встречал собственные слова где-то на полустанках, у костров, в далеких от столичного шума избах. Колмановскому я обязан новой, второй жизнью моей поэзии. За это, наверно, благодарны ему и другие его поэтические соавторы, хотя Колмановский никогда не бывал в работе снисходительным.

Колмановский воспринимает поэзию не как орудие «подтекстовки», он ее любит, и часто его музыка рождается не сама по себе, а как результат слияния с поэзией. И у Колмановского есть неудачи, но он из тех композиторов, которые никогда не допускают соавторства с наспех зарифмованными словесами.

Одна из моих любимых песен Колмановского — «За окошком свету мало» на стихи Ваншенкина, где очаровательные, полные народной первозданности слова как бы перетекают в музыку и музыка снова переливается в слова, легко и плавно кружащиеся на волнах мелодии, как пушистые снежные хлопья. Знаменитая «Бирюсинка» с ее зажигательным началом. Мудрая, грустно улыбающаяся песня «Я работаю волшебником», мелодически неотделимая не только от слов, но даже и от неповторимых интонаций ее первого исполнителя — Марка Бернеса. Резкие, гротесковские пассажи песенок на слова Светлова из спектакля «Голый король». Полные жизненной гармонии и ощущения сложной прелести бытия песни на слова Антокольского из спектакля «Двенадцатая ночь». И вместе с тем величавая эпика песни «Хотят ли русские войны?», хоровая мощь «Гимна Родине»... Такое разнообра-

зие невозможно без истинной внутренней культуры, единства ума и эмоций.

Колмановский чем-то близок к одному из классиков советской песни — Дунаевскому. В нем соединяется и тончайший лиризм и набатная гражданственность. Темпераментность музыки Колмановского — это не бравая физическая мускулиность, а темпераментность мысли и, что самое главное, темпераментность сопереживания с людьми.

Поставим эту пластинку, прислушаемся снова к этому миру, подаренному нам, и мы — каждый для себя — откроем в нем новые ноты.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Песни Э. Колмановского на стихи
Л. Дербенева и И. Шаферана
«Московская серенада»
и «Ты говоришь мне о любви»
на седьмой звуковой странице
исполняют И. Кобзон
и Н. Бродская.

МИР,
ПОДАРЕННЫЙ НАМ

Еще раз в мировом музыкальном календаре перевернут «шопеновский» листок. Минуло сто шестьдесят пять лет со дня рождения великого польского композитора. Шопен родился в марте, но традиционный фестиваль в Душниках и Варшавский пианистический конкурс приурочены на этот раз к золотому октябрю — последнему месяцу, который было суждено в своей жизни увидеть Шопену.

Триптих реликвий, который вы видите, в какой-то степени воссоздает черты внешнего облика Шопена. Лишь десятилетие разделяет изумительный портрет Делакруа от несовершенного снимка Биссона. И тем не менее сравнение этих несравнимых изображений поразительно. От счастливого лета 1838 года, полного радостных предчувствий и надежд (перед отъездом

то сперва окажемся в сплетении крошечных парижских переулков, по два-три дома каждый, коротких, в четверть дома, поворотов, миниатюрных антикварных лавочек и кафе на левом берегу Сены. Внезапно вы попадаете на столь же игрушечную площадь, где нет ни лавочек, ни кафе. Будто это просто двор в одном доме. Тут растет одно дерево и стоит один фонарь. Любимейший уголок знатоков старого Парижа — площадь де Фюрстанбер. В этом доме, на шестом этаже, помещалась сто лет назад мастерская Эжена Делакруа. Шопеновское изображение хранилось там до 1863 года, пока был жив художник.

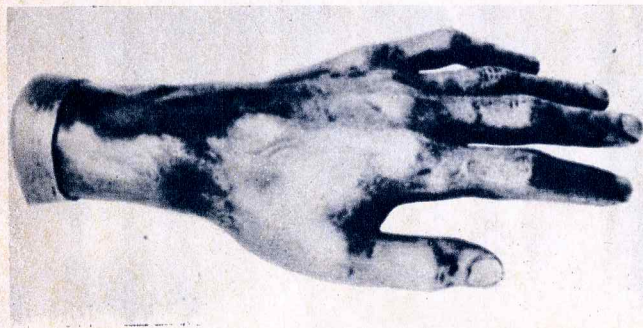
Правда, первоначально это было совсем иное полотно — холст метр на полтора,

зано и ныне экспонируется в хансеновской коллекции в Копенгагене. Операция, носившая, вероятно, коммерческий характер, была проделана в семье антиквара Дютюйе, куда попала картина в 70-х годах прошлого века. На аукционе 1874 года продавался уже только один шопеновский портрет. Он был куплен торговцем картинами Брамом, а затем перешел к известному французскому пианисту Мармонтелю, который завещал его Луврской галерее.

Но возвратимся на минуту еще раз к работе Делакруа. Глаз художника уловил выражение шопеновского лица — момент размышления за инструментом. «Импровизации Шопена, — писал Делакруа, — были значительно смелее его законченных произведе-

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

ПОРТРЕТЫ ШОПЕНА

вместе с Жорж Санд на Майорку), до фотографии, сделанной, по-видимому, перед смертью, в 1849 году, — почти треть жизни величайшего музыканта.

Картины, как и книги, имеют свою судьбу. Маршруты шопеновской иконографии причудливы. И если мы попытаемся проследить за одним из них,

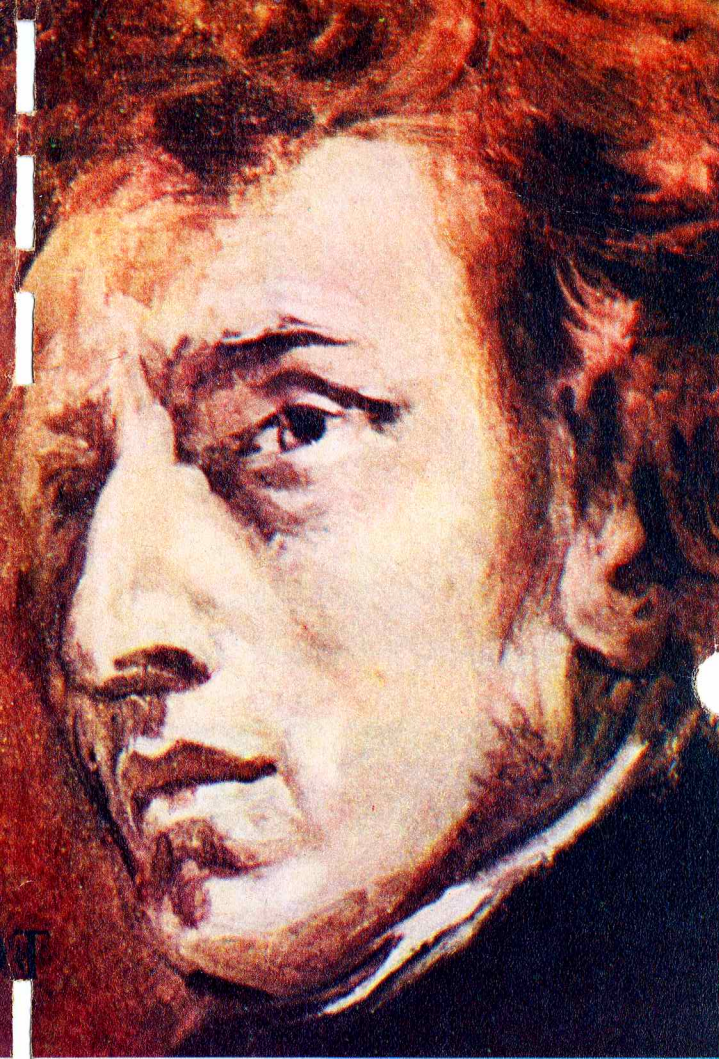
изображавший Шопена, который, по-видимому, сидел за фортепиано. Рядом с ним — Жорж Санд в открытом темном платье. Руки ее сложены, в правой — платок, в левой — сигаретка. Глаза полузакрыты, она как бы прислушивается... Незаконченное изображение Санд после смерти Делакруа было отре-

События, о которых рассказано на пятой звуковой странице, датированы «Листопадом» 1830 года.

Года, оставившего в истории мировой культуры свои слышимые до сих пор вехи — предотъездную варшавскую музыку Шопена и болдинскую лирику Пушкина.

дений. В этом можно видеть то же соотношение, что между эскизом и законченной картиной. Быть может, воображению представляется меньше размаха в произведении завершнном, нежели в наброске... Но, — размышлял Делакруа, — закрывая дверь истолкованиям, отказываясь от неопределенности эскиза, ар-

восход их похож. Приход смерти для того и другого был неожиданным, неотвратимым, беспощадным.

Посмотрите теперь на снимок. Он висел, возможно, и в последней квартире композитора на Вандомской площади, куда больного Шопена с улицы уже вносили на руках. В фотографии Шопена — почти цифровой итог жизни. Более широкое, нежели на всех живописных изображениях, лицо. Тяжелые виски. Плотные сжатые губы. С недоверием смотрящие глаза. Будто Биссон долго уговаривал Шопена сидеть неподвижно перед объективом и композитору это было неприятно. На его лице почти физически ощутима усталость, видны следы несчастий, жизненной борьбы, жгучей тоски по родине и род-

«Разумеется, — говорил один из крупнейших истолкователей Шопена, пианист Альфред Корто, — не от руки его зависело рождение мечтательной и мерцающей мелодии, не она диктовала то героический, то капризный его ритм. И все-таки, глядя на шопеновскую руку, я не могу удержаться от того, чтобы не приписать ее свойствам нечто большее, нежели только гибкость, обусловленную требованиями инструмента». «Бархатные пальцы» — говорилось о руке Шопена, которая, однако, порой, по словам его ученика Жоржа Матиаса, напоминала «руку солдата», соединяя в себе деликатную пластику с прочностью конструкции.

Этими руками он создавал и неоконченный «автопортрет», самое похожее из всех его

Рисованное изображение певицы Констанции Гладковской. Имя ее, быть может, вспомнил бы лишь исследователь музыкальной Варшавы двадцатых годов прошлого века, не будь оно однажды и навсегда освещено любовью и музыкой Шопена, который запечатлел облик юной артистки в адажио фа-минорного концерта.

тист выясняет свой собственный лик». И добавлял: «Не портят, завершая, лишь великие художники».

Шопен был великим художником, и его искусство поразительно абсолютной законченностью, античным совершенством формы, как бы колеблющейся в равновесии пропорций. Эта гармонич-

ность — сродни моцартовской. Моцарт был наряду с Бахом высшим образцом для польского мастера: у Моцарта, как говорил Шопен, «знание стояло на уровне вдохновения». И облик Шопена в чем-то напоминал облик Моцарта. Письма их, живо и переменчиво отражавшие речь, юмор, настроение, — похожи. Ранний

ним — всего того, чему Шопен мог противопоставить лишь свое творчество. Оно было его спасением и защитой. В нижней части снимка видны руки Шопена. Руки, с которых скульптор Клезенже после кончины композитора сделает слепки. Изображение одного из таких слепков также помещено на этой странице.

изображений — свою музыку. В ней повсюду, точно за тончайшим занавесом, скрыты дорогие Шопену мысли и ощущения. Этот тайный язык он не любил расшифровывать. Но однажды в юношеском письме он нарушил правило, связав сочиненное с пламенем чувств, охвативших его.

Артем ГАЛЬПЕРИН

ДЕРЕВО ДЕТСТВА

Фазиль ИСКАНДЕР

Я люблю деревья. Иногда я думаю, что дерево не просто благородный замысел природы, но замысел, призванный намекнуть нам на желательную форму нашей души, то есть такую форму, которая бы, крепко держась за землю, смело подымалась к небесам.

Миролюбивая мощь дерева учит нас доброте и бескорыстию. Если дерево не плодоносит, если оно, так сказать, принадлежит к холостяцкому роду, то оно по крайней мере дарит нам свою тень в летнюю жару. Само понятие о плодоносности деревьев связано с нашими эгоистическими соображениями. В сущности, все деревья плодоносны, просто не всякий плод съедобен для человека.

Мне нравились многие деревья, и я, дойдя до зрелого возраста, храню о них самые нежные воспоминания.

Я хорошо помню деревья из нашего городского, зажатого домами полугорода-полусада. Помню грушу, медленно усыхающую, и большое дерево хурмы. Помню айву — крепкую, маленькую, узловатую, как мускулистый старичок; помню персиковое дерево, со стволом слабым и гибким, как девичий стан; помню инжировое дерево с лопухими листьями и с плодами, сладкими, как первородный грех.

Но больше всех остальных деревьев я любил ореховое дерево, росшее в котловине Сабиды. Это было огромное дерево с огромным дуплом, опаленное снизу деревенскими комсомольцами тридцатых годов. Они хотели его уничтожить: крестьяне, жившие поблизости, называли его молельным деревом и устраивали ему жертвоприношения. Козленка или барана резали у его подножия, и тут же, разделав тушку, варили мясо, съедали его всей семьей, а иногда и со случайными путниками, оказавшимися на нижнечегемской дороге.

Кстати, задолго до этого его ударила молния и умертвила часть его ветвей, обращенных к востоку, но зато остальные ветки по-прежнему цвели и плодоносили, и не только орехами, но и виноградом «изабелла», лоза которой сначала прямо подымалась до первой ветки, а потом могучими ветками тянулась к вершине, по дороге разбрасывая свои плети со свисающими с них плотными виноградными гроздьями. Было похоже, что убить этот могучий орех не могли ни земные, ни небесные силы.

В предвоенные годы я каждое лето проводил в доме дедушки. И каждый раз в конце августа, когда мы уезжали из деревни, чегемский виноград только начинал румяниться, и это было тогда обидно до слез.

Я ходил, вглядываясь в розовеющие кисти и чуть ли не до галлюцинации ища среди них поспевающие гроздья. Однажды я все-таки заметил, что виноград, свисающий с одной из верхних ветвей молельного ореха, почти спелый. Чернорозовые гроздья, соблазнительно высвечиваясь, выделялись в листве могучего дерева.

В тот миг я почувствовал порыв вдохновения, может быть, самый сильный за всю мою жизнь. Я подошел к подножию дерева и стал по лозе, как по канату, подыматься вверх.

Другого пути не было. Обхватить дерево руками или ногами было совершенно невозможно.

С большим трудом я добрался до первой ветки, но здесь лоза закручивалась вокруг ствола. Сам же ствол все еще был слишком толстым, чтобы карабкаться по нему. Сидя верхом на нижней ветке, я докарабкался до того места, где она приближалась к следующей ветке, и, привстав на свою ветку, ухватился за верхнюю и сумел, подтянувшись, сесть на нее. В этом месте ветка пружинила и качалась, и каждое ее движение вызывало во мне волну тошнотворного страха. Но чем ближе я подбирался к стволу, тем меньше она качалась. В том месте, где ветка отделялась от ствола, я уселся передохнуть, опершись спиной о ствол.

Внезапно, рябя крыльями и крича дребезжащим голосом, в крону ореха влетела сойка и уселась недалеко от меня на той же ветке. Заметив меня, она просидела еще некоторое время, вероятно, для того, чтобы показать, что она меня не испугалась. Затем снова издав безобразный крик и задев крыльями листву, она вынырнула из кроны и улетела.

Здесь лоза прямо подымалась до следующей ветки, и я стал карабкаться по ней. Чем выше я подымался, тем меньше оставалось просветов между ветками, в которые можно было разглядеть землю. Наконец земля полностью исчезла, скрытая густой зеленью веток, и стало почти не страшно. Исчезло ощущение глубины возможного падения.

Вдруг я услышал где-то над моей головой знакомый скребущий звук: крр... Я много раз слышал этот звук в лесу и никогда не мог понять, откуда он берется. В конце концов я решил, что звук этот издается при трении сухой ветки о сухую ветку.

Снова раздался близкий звук: кррр! Я поднял голову и увидел прижавшегося к стволу красноголового дятла. Я замер, стараясь остаться незамеченным, и дятел, несколько раз посмотрев по сторонам, вдруг ударил клювом по стволу дерева, и раздался знакомый звук: крррр. Казалось, после первого удара клювом о ствол остальные удары получаются по инерции. Как будто дятел просто не может остановить трясающейся головы, и она еще несколько раз долбит клювом по стволу.

Звук этот ничего общего не имел с деловитым стуком, который обычно слышится, когда дятел долбит кору дерева в поисках пищи. Сейчас он явно ее не искал, и звук мог означать какой-то сигнал или песню торжества.

Заметив меня, он некоторое время следил за моим поведением и, найдя его достаточно безопасным, еще раз извлек из усохшей части ствола этот странный звук.

Я подумал, что птицы, видя человека на дереве, меньше его боятся, чем тогда, когда видят его на земле. Он как бы делается обитателем их среды, и часть их страха, вероятно, поглощается усилившимся любопытством. Так, бывало, и в море во время ныряния я замечал, что рыбы иногда без особого страха с любопытством разглядывают тебя.

Но вот красноголовый дятел улетел, и я продолжил свое путешествие вверх по стволу. Наконец я добрался до ветки,

на вершине которой провисали виноградные гроздья, начинавшие поспевать.

Но добраться до них все еще было нелегко. Я потянулся одной рукой к виноградной плети и дотянулся до нее с великим трудом. Она сопротивлялась, пружинила, и мгновениями казалось, что рука, которой я держался за верхнюю ветку, вот-вот не выдержит, и я, сорвавшись, полечу вслед за изогнутой, как тугой лук, виноградной плетью. В конце концов я подтянул ее к себе, и вот перед самым моим лицом покачиваются гроздья винограда, на которые я, облизываясь, любовался с земли.

Но теперь обнаружилось новое препятствие: обе мои руки были заняты. Одной рукой я продолжал держаться за верхнюю ветку, а другой напряженно удерживал все еще стремящуюся оттянуться виноградную плеть.

В отчаянии я наклонился и стал выкусывать из гроздей наиболее спелые виноградины, хотя это было очень неудобно, и иногда в рот попадали вместо зрелых совсем зеленые виноградины. Наконец, я догадался подтянуть виноградную плеть к верхней ветке и, продев в нее правую руку (мгновение дикого страха), снова схватился за ветку, и моя левая рука теперь была свободна.

Я выщипывал из сочных гроздей самые спелые виноградины и отправлял их в рот. Я гороплешил, чувствуя, что ноги мои уже подрагивают от напряжения и правая рука, вцепившаяся в ветку и еще держащая в локтевом сгибе туго натянутую виноградную плеть, тоже начинает уставать.

Но какое это было блаженство есть недозрелый виноград, пахнущий так, как может пахнуть только «изабелла», чувствовать, как сладостно проскальзывает в горло его кисло-сладкая плоть, слышать, как звучно шлепаются на листья ореха выплунутые шкурки виноградин, прислушиваться к далекому звону колокольца коровьего стада и гулкому биению собственного сердца.

Не знаю, сколько времени длилось это блаженство, но его оборвал грубый окрик:

— Ты куда залез! Сейчас же слезай!

На гребне горки, с которой начинается котловина Сабида, стоял дядя Кязым.

До сих пор не могу понять, почему я так испугался его голоса. Мой панически быстрый обратный путь сопровождался выкриками его, которые я не мог разобрать за шумом моего спуска. По-видимому, он мне кричал, чтобы я спокойней спускался, но я не расслышал его слов.

В тот вечер я услышал от дяди самую приятную похвалу, которую я когда-либо слышал в своей адрес. Он сидел в кухне перед очажным огнем и, кивнув в мою сторону, сказал маме:

— Этот твой сегодня на такое дерево взобрался, куда ни один горожанин не посмел бы, хоть соберись они гурьбой под этим орехом...

Мама стала меня ругать, но я был счастлив, что дядя Кязым, обычно такой насмешливый, меня похвалил.

Художник А. Борисов

Искусство идет к синтезу жанров. Так называемый «легкий жанр» давно завоевал себе место под солнцем. Его рамки оказались способными вместить великие проблемы патриотизма, войны и мира, человечности. Песни на эти темы завоевывают огромное поле действия, стали одним из серьезнейших оружий музыкально-драматического искусства.

Елена Камбурова находится в том ряду песенного искусства, который сейчас принципиально нов и который можно назвать песенным театром одного актера. Камбурова в первую очередь артистка, певица-актриса. У нее есть для этого все: индивидуальность, желание определить свою личную тему и мироощущение—свое «я», свою беду, радость, любовь.

В сценическом образе Елены Камбуровой соединены стороны хоть и взаимосвязанные, но такие, которые мы обычно привыкли различать: гражданская ли-

рика и лирика глубоко личная с постоянными «камбуровскими» темами. Это темы любви, доверия, темы девушки, женщины, тема мечты. И они тракуются ею под углом и самых сложных человеческих взаимоотношений и самых простых и ясных. Певица же, имеющая в своем репертуаре материал, который ее рас-

крывает, и есть певица современная. Зрителем ценимо общение с ней. Для него важно именно ее искусство, ее вокальный и пластический образ.

Ощущение себя в жизни, среди людей, в обществе входит в единый образ Елены Камбуровой. Для меня ее лирика связывается с «Орленком» и со всем циклом комсомольских песен. Поет она их блестяще и совершенно справедливо была удостоена звания лауреата премии Московского комсомола.

Сейчас артистка тяготеет к исполнению сочинений крупных форм. Я считаю, что Камбуровой нужно искать и автора и постановщика, раскрывать свою индивидуальность в каком-то новом жанре, более масштабном по идее и значимости образов.

У меня, как режиссера, была мечта, к сожалению, по сей день не исполненная, поставить для Камбуровой небольшую эстрадную оперу или мономюзикл, в котором она развернулась бы более актерски.

ТЕМА МЕЧТЫ

Самоуспокоенность и Камбурова—понятия несовместимые. Она все время ищет. И то, что сначала могло восприниматься как недостаток профессионализма, а порой и просто дилетантизм, сегодня уже стало оправданным художественным приемом, более того—яркой чертой самобытного дарования певицы. Сейчас она уже мастер. И привнесение в свое искусство нового, необычного, может быть, еще зыбкого и несовершенного—это ее стиль.

Родилось это сначала от неумения. А когда она стала «уметь», превратилось в мудрость мастерицы. Будто нарочито «недоделывает» она свои песни, оставляя место для импровизации музыкальной, сценической, пластической. Это ее почерк.

Ролан БЫКОВ
Фото А. Лидова

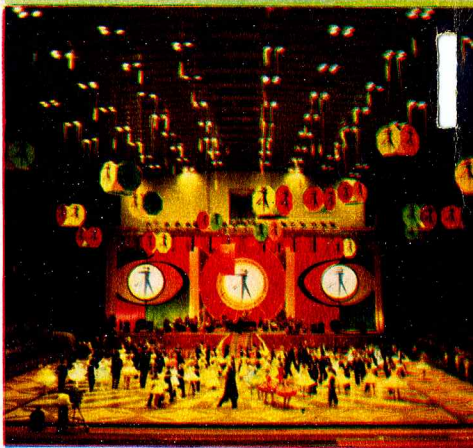
На шестой
звуковой странице
Елена Камбурова исполняет
«Орленка» (В. Бельй, Я. Шведов)
и «Песню клоуна» (Ю. Михайлов).

«Кругозор» перестал разучивать с нами балльные танцы. А так хочется, чтобы ребята умели танцевать красиво!

А. И. Саратова, педагог, Пермская обл.

Моя профессия—балетмейстер. Предлагаю страничку журнала посвящать танцевальной музыке, особенно современной.

Н. Вишневская, г. Железнодорожск.

В Киеве шел II Всесоюзный конкурс исполнителей балльных танцев. 90 пар, приехавшие в столицу Украины со всех концов страны, демонстрировали поистине виртуозное мастерство. Поначалу даже трудно было поверить, что это не профессионалы, а обычные школьники, рабочие, студенты, учителя, врачи, научные работники—кандидаты серьезнейших наук (были и такие!). Итак, 90 пар, «пробившиеся» в финал. А когда конкурс еще только начинался, мечтой об участии в этом хореографическом празднике жили 50 тысяч девушек и юношей—ровно столько, сколько занимается сейчас молодежь в школах, студиях, кружках и ансамблях балльного танца.

Трудное это дело—конкурс. Судьи смотрят на тебя в «трех измерениях»: оценивают музыкальность, выразительность, техничность. А на то, чтобы продемонстрировать в этих трех измерениях накопленное мастерство,—всего полторы минуты!

Шестнадцать раз пришлось выходить тем, кто стал лауреатом, на площадку. (Кстати, площадка эта так отполирована, что перед танцем исполнители тщательно трут подметки своих туфель специальной металлической щеткой.) Шестнадцать раз каждой паре будущих лауреатов судьи выносили

свой «приговор». И вычислительной машина: техника вторгающихся были определены оказались москвичи нислав Поповы. баллов проиграли и Арво Сандберг из

9

РАЗРЕШИТЕ
ПРИГЛАСИТЬ

©ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки:
«Товарищ милиция»
Художник
А. Борисов

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грампластин
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
29/VIII 1975 г.
Б 04846. Подп. к печ.
9/IX 1975 г.
Формат 60 × 84^{1/2}
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 1094. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Под флагом свободы.** Воспоминания участников восстания на броненосце «Потемкин».
2. «...Мой город, дорога моя». В студенческих строительных.
3. **Часовые порядка.** Случай из милицейской практики.
4. **Читает Александр Блок.**
5. **Фридерик Шопен:** фрагмент концерта фа-минор для фортепьяно с оркестром.
6. **Поет Елена Камбурова.** «Орленок» и «Песня клоуна».
7. **Песни Эдуарда Колмановского** из телевизионного фильма «Три дня в Москве».
8. **Композитор - коммунист Орасио Гуарани** (Аргентина): «Мой бедный отец», «Если смолкнет певец», «Песня политзаключенного».
9. **Разрешите пригласить.** Звучат современные корякский и латышский бальные танцы.
10. **Сергей Юрский** читает рассказ М. Зощенко «Страдания Вертера».
11. **Ансамбль «Середина дороги»** (Шотландия).
12. **Лючия Альтиери** (Италия): «Комбиера» (Джозенни, Де Мутис), русская песня «Слышу звон бубенцов издалека».

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО.

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), И. Д. КАЗАКОВА,

Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),

В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер).

Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите
нам
по адресу:

113 326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

СМЕХ ЗАТЕ

На десятой звуковой странице Сергей Юрский читает рассказ Михаила Зощенко «Страдания Вертера».

Дружеский парж В. Шарковой

АВТОГРАФ

Вместо автобиографии

Никогда я не мог понять, зачем людям автограф. Иногда думаю даже, что это привычка заверять любой документ, в том числе театральную программу.

— Вы не можете дать автограф?

— Могу. А где написать?

— Ой, у меня ничего нет. А вот листик, вот здесь напишите!

— Что написать?

— Нине от такого-то?

— От кого от такого-то?

— От Папанова.

— Вы меня спутали. Я не Папанов.

— А кто же вы? Вы в кино играете? Я вас видела где-то... Ой, да бросьте острить — вы артист... Вы в каких фильмах играли?

— В «Золотом тельенке».

— Кого?

— Бездера.

— Ой, вспомнила, то-то я на вас без смеха смотреть не могу. Вот и напишите — Нине от Гомиашивили.

— Я не Гомиашивили.

— Бросьте острить.

— Я — Юрский.

— Ну, напишите «от Юрского» — я так люблю автографы, я всегда их собираю. Такое бывает нередко.

Но однажды со мной произошел совсем уже невероятный случай.

Во дворе «Ленфильма» меня довольно крепко хлопнули по спине.

— Здорово, Серега, — сказал мне незнакомый человек. — Снимаешься сейчас?

— Сейчас нет.

Мы крепко пожали друг другу руки и улыбнулись. Я мучительно пытался вспом-

нить, кто это, но ничего не вспоминалось.

— А я вот зашел, — сказал он.

— Вижу. — Я еще шире улыбнулся и затряс головой, кляня про себя скверную мою зрительную память.

— Я рад, что ты меня не забыл, — сказал он.

— Ну, вот... — Я промямлил что-то неопределенное.

— Вообще ты, Серега, молоток. Мы ведь и знакомы не были, я так только издали поглядел, как ты там снимаешься, а ты меня запомнил

Да и сколько лет прошло, а ты помнишь. Молоток.

— Да...

— Я сейчас сценарии хочу писать, матерьялу вагон, только обработать. Вообще могу тебе вкратце рассказать. Меня вообще тут уже многие знают.

— Да я спешу...

— Ну, ладно, потом. Слушай, Серега, можно автограф?

— Зачем тебе?

— Да так, на память... Можно?

— Ну...

— Это у тебя новый? Не жалко? — Он взял из моих рук журнал «Советский экран» и задорно потряс им перед своим носом.

— Нет...

Неизвестный вынул из кармана шариковый карандаш,

размашисто и неразборчиво написал на обложке свою фамилию, вручил журнал мне и удалился...

Я никогда не мог понять, зачем людям автографы.

Сергей ЮРСКИЙ

P. S. В театре, в нашей гримерной, всех пришедших в гости я прошу оставить на потолке свой автограф.

ЛЮЧИЯ АЛТИЕРИ

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Италия

Судьба Лючии Альтиери похожа на многие судьбы ее итальянских коллег, ставших звездами эстрады. Совсем юной студенткой колледжа, готовившей себя к педагогической деятельности, пришла она на конкурс песни, который ежегодно проводит итальянское радио и телевидение. Было это 13 лет назад.

— Цифра «13» для меня счастливая,— говорит Лючия.— На конкурсе, пройдя два тура, я оказалась в числе 13 допущенных на третий. А ведь всего участников насчитывалось в тот год более тысячи. Вручили мне Большой приз тоже 13-го числа.

Лючия Альтиери удостоивалась призов на фестивалях и конкурсах песни в Сан-Ремо и в Барселоне, в Сопоте и в Рио-де-Жанейро...

Она родилась в маленьком итальянском городке Фодже, недалеко от моря. «Об этом городе,— вспоминает Лючия,— ходила молва, что его вино сладко, как песни, а его песни ароматны, как лучшие марки вин. Отец научил меня ценить народную песню, относиться к искусству бережно и трепетно».

Во время своих гастролей в Советском Союзе Лючия пела старинную русскую песню «Слышу звон бубенцов издалика». Песня покорила ее соотечественников, и Лючия на родине записала ее с оркестром римского радио и телевидения под управлением известного дирижера Марчело де Мартини. Правда, пришлось изменить текст, ибо в Италии не знают, что такое тройка, и не всем понятно, что такое бубенцы. Но трогательная тема воспоминания о прошедшей любви и прекрасная народная мелодия сохранились. По-итальянски песня называется «Уна вита» — «Одно мгновение».

Вместе с этой песней на нашей звуковой странице записана «Комбиера». «Комбиера» в переводе «Он изменится». Ты увидишь, поется в песне, что мир изменится, станет другим, но останется любовь. Любовь — единственное, что будет всегда жить в нас!

Р. ВЫГОДСКИЙ

Цена 1 руб.